

Неизвестные факты дела об убийстве подпрапорщика 3-го железнодорожного батальона Василия Золотарёва 15 октября 1907г. (дело Семенюка)

В данном исследовании я ещё раз обращаюсь к этому делу, используя другие, никогда не публиковавшиеся архивные материалы — отчёты расследовавших это преступление сотрудников Московского охранного отделения.

1-го января 1907 г. в Дмитров со станции Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии был передислоцирован 3-й железнодорожный батальон, входивший в состав железнодорожной бригады. С 22 октября 1906 г. командиром этого батальона стал полковник Фёдор Иосифович Спиридонов (1863 — 1915). Он был одним из самых опытных офицеров — железнодорожников, прошедших русско-японскую войну. Среди подвигов Спиридонова было осуществление и личное руководство доставкой в конце апреля 1904г. последнего эшелона с

Полковник Фёдор Иосифович Спиридонов (1863-1915). Умер от тяжёлой болезни в должности ком. 3-го Заамурского ж/д полка

боеприпасами в осаждённый японцами Порт Артур, за что он был удостоен золотого оружия с надписью «За храбрость». Находясь в дальнейшем в Маньчжурской армии, он ещё неоднократно отличался, лично возглавляя доставку к передовым позициям эшелонов с вооружением и боеприпасами.

Вступив в командование батальоном, Спиридонов сразу столкнулся очень серьёзной проблемой, связанной

с падением дисциплины и сильными революционными настроениями среди солдат. Большинство лично состава батальона призыва 1905 – 1906г. состояло из бывших рабочих, прибывших из западных губерний, подверженных сильным революционным настроениям. Младшие офицеры и унтер-офицеры, будучи грамотными специалистами — железнодорожниками, в то же время не только не могли изменить сложившуюся ситуацию в части, многие и сами были неблагонадёжны.

«Батальон во время своего расквартирования в городе Барановичи Минской губернии был крайне распропагандирован местными еврейскими революционными организациями. По переводе в г. Дмитров прежняя революционная закваска долго давала знать и вызывала даже протесты со стороны местного населения, по своему составу вполне благонадёжного в политическом отношении».

Для усиления воинской дисциплины в 3-й ж/д батальон были переведены несколько унтер-офицеров — сверхсрочников из состава 8-го гренадерского Московского полка. Выбор этого полка был не случаен, так как бывший его командир, генерал-майор Константин Данилович Гапанович, в то время служил начальником военных сообщений Московского военного округа, являясь непосредственным начальником комбата Спиридонова. Среди этих сверхсрочников был и фельдфебель Василий Золотарёв, лично рекомендованный Гапановичем.

«Так как из нижних чинов батальона, состоявшего сплошь из фабричных и мастеровых, трудно было найти подходящих начальствующих лиц для утверждения в батальоне дисциплины, то решено было призвать для этого соответствующих чинов из строевых частей, причём выбор пал на унтер-офицеров и фельдфебелей 8-го гренадерского полка. В числе таковых был и упомянутый Золотарёв, лично известный и указанный бывшим начальником военных сообщений генералом Гапановичем».

В. Золотарёв, назначенный фельдфебелем 1-й роты, сразу занялся наведением в части суровой дисциплины и беспрекословного выполнения нижними чинами приказов младших командиров, что сразу вызвало сильное недовольство у многих солдат. *«Действительно, эта мера в ближайшем будущем начала давать крайне благоприятные результаты, благодаря суровой дисциплине, которую стали проводить фельдфебели – подпрапорщики, особенно, Золотарёв. Однако у некоторой части нижних чинов такая перемена вызвала глухое недовольство. По словам местного полицейского надзирателя, некоторые нижние чины при посещении местного большого магазина Александра Векишина высказывали, что они сильно возбуждены против фельдфебелей – подпрапорщиков, и что им несдобровать. К сожалению, Векишин и его приказчики не знают по фамилиям тех*

солдат. Кроме того, сам Золотарёв неоднократно получал анонимные угрожающие письма». В августе 1907 г. Золотарёв, фельдфебель 2-й роты Сизов, и ещё несколько сверхсрочников батальона были произведены в подпрапорщики.

В рапорте жандармского служащего отмечалось, что солдаты неоднократно жаловались Спиридонову на избыточную строгость Золотарёва, но полковник, «всемерно доверяя последнему» и, возможно, опасаясь недовольства своего непосредственного начальства в лице генерала Гапановича, чьим протеже был Золотарёв, не считал необходимым вмешиваться в его служебные действия.

Как известно, покушение на Золотарёва было совершено поздним вечером 15 октября 1907 г. у Ильинского переезда. Ныне это неохраемый пешеходный переход через железнодорожные пути на Старо-Яхромской (бывшей Ильинской) улице. Детали этого преступления описаны жандармским ротмистром Васильевым, прибывшим в Дмитров утром 16 октября, в его рапорте от 17 октября 1907 г.

Васильев докладывал обстоятельства покушения: *«Названный Василий Золотарёв, произведённый в августе сего года подпрапорщики, 15-го октября он был дежурным по батальону. По окончании вечерней переклички Золотарёв отправился из казармы на квартиру к командиру батальона с обычным вечерним рапортом. Шагах в 150 от квартиры Спиридонова, близ полотна железной дороги, у так называемого Ильинского переезда, Золотарёв увидел идущего прямо на него нижнего чина того батальона, лично ему не известного. Этот нижний чин, держа левую руку в кармане, правой отдал честь подпрапорщнику Золотарёву. Последний, остановив нижнего чина, сделал ему замечание о неправильной отдаче чести и спросил, почему он после переклички находится вне казармы, и есть ли у него увольнительный билет. Нижний чин, не называя себя, вынул из кармана бумагу, формата увольнительного билета и подал Золотарёву. Как только Золотарёв поднял бумагу к стоявшему здесь зажжённому фонарю, раздался выстрел и Золотарёв почувствовал сильный удар в спину. С криком он бросился по направлению к квартире командира батальона, из которой уже глядел на улицу полковник Спиридонов, встревоженный выстрелом. По приказанию командира Золотарёв вошёл в помещение, здесь ему была оказана первоначальная помощь*

немедленно прибывшим военным врачом, а затем он был отправлен в местную земскую больницу...».

Все эти факты общеизвестны и из других источников: статьи В. В. Минина, воспоминаний В. С. Уланова, дневника купца А. Е. Новосёловы и др. Но материалы расследования, проводимого сотрудниками Охранного отделения, позволяют взглянуть на это дело глазами служащих политического сыска. Основной их задачей было выявление возможной связи исполнителей и организаторов этого преступления с подпольными революционными организациями. Жандармы вели своё независимое от военного – окружного суда расследование и не вмешивались в выводы военных следователей. Здесь нужно отметить, что Золотарёв был убит в годы разгула террора, проводимого эсерами, и основной задачей военно-полевых судов зачастую являлось не наказание истинных виновников, а предотвращение повторения подобных событий путём быстрого раскрытия преступления и совершения суровой кары в отношении подозреваемых. В этом и состоит весь трагизм данного дела.

Ротмистр Васильев прибыл в Дмитров ещё при жизни Золотарёва и лично записывал его показания, военные же следователи приступили к расследованию лишь через несколько дней после его смерти.

«При осмотре Золотарёва оказалось, что он ранен навывлет в правую сторону живота. В шинели Золотарёва найдена застрявшая пуля от револьвера казённого образца Нагана.

По показанию Золотарёва неизвестный ему нижний чин был в фуражке без козырька, то есть из состава обозной команды. Роста он был высокого, лицо длинное, худощавое, с острым подбородком, в крупных веснушках, производивших внешнее впечатление рябин, усов и бороды нет. Командиром части было тотчас отдано распоряжение о проверке людей в ротах и отобрании тех нижних чинов, которые подходят под приметы, описанные Золотарёвым. Все такие нижние чины были предъявлены Золотарёву, который всё время находился в полном сознании, но ни в одном он не опознал злодея».

При опросе Васильевым батальонных офицеров выяснилось одно очень существенное обстоятельство, сообщённое командиром 2-й роты штабс-капитаном Эрвальдом. Он сообщил о случившейся накануне покушения на Золотарёва пропаже личного оружия у фельдфебеля этой роты подпрапорщика Сизова. *«Фельдфебель 2-й роты, подпрапорщик Сизов, незадолго до описанного случая, 13-го октября, переменяв на своём казённом револьвере шнур на офицерский, положил его в кобуру и запер в свой сундук, находившийся в его комнате при казарме. Ключ от сундука Сизов носил всегда с собой, а ключ от своей комнаты передавал иногда вестовому Вакгенгуту. 13-го октября, то есть, за день до покушения, открыв сундук, он обнаружил пропажу револьвера, причём, кобура была оставлена в сундуке. То обстоятельство, что Золотарёв был ранен именно пулей из револьвера Нагана, дало основание заподозрить названного Вакгенгута, а равно, и его ближайших приятелей — рядовых нестроевой команды Дауса и Семенюка в причастности как в краже револьвера, так и в покушении на жизнь Золотарёва».*

Вакгенгут, Даус и Семенюк были земляками, призванными из Житомирского уезда Волынской губернии, первые двое были выходцами из живших там немецко-колонистов. По словам опрошенных, эти трое солдат, проходивших службу в обозной команде батальона, поддерживали между собой дружеские отношения. Вакгенгут, исполнял должность батальонного ламповщика, то есть, отвечал за все осветительные устройства части. Штатным вестовым Сизова он не был, но иногда ему прислуживал и в его распоряжении был ключ от личной комнаты подпрапорщика, расположенной в казарменном помещении 2-й роты, расквартированной в доме, арендованном военными у купца Рахманина. Попутно выяснился факт вопиющей халатности Сизова в хранении личного оружия: *«Дверь в комнату Сизова никогда не запиралась на ключ, а стала запирается лишь после пропажи револьвера».* При том, что Сизов был прислан из 8-го гренадерского полка как образцовый младший командир.

Вот что пишет Васильев о неудачных попытках Золотарёва опознать злоумышленника: *«Все трое арестованы и сначала Семенюк и Вакгенгут безусловно явлены Золотарёву, причём, Вакгенгута Золотарёв безусловно не*

опознал. В отношении же Семенюка он несколько колебался, но потом заявил, что ранивший его нижний чин не походит на Семенюка. Затем, по моей просьбе, уже в позднее время, не нарушая покоя Золотарёва, предъявлен был и Даус, но и в нём Золотарёв не опознал преступника. Золотарёв всё время был в полном сознании, хотя и очень сильно мучился, но мучения переносил без стонов. Выйдя от раненного в дежурную комнату, мы через 10 минут вернулись к нему проститься, но застали его уже без дыхания с крайне слабым пульсом. И присутствующая здесь фельдшерница констатировала смерть Золотарёва». Данный рапорт Васильева на имя жандармского подполковника Котена, отпечатанный на пишущей машинке, датирован 17 октября 1907 г. Таким образом, факт опознания Золотарёвым Семенюка, описанный А. Е. Новосёловым в его дневнике, не соответствовал реальным событиям, свидетелем которых был ротмистр Васильев.

По итогам предварительного расследования Васильев предположил, что убийство было совершено неизвестным преступником, переодетым в форму рядового обозной команды батальона, а подозреваемые трое солдат являются его непосредственными соучастниками. *«Как это точно установлено, убийство совершено на линии железной дороги в 9. 35 вечера, то есть, после отхода поезда из Москвы на Савёлово, каковой прибывает на станцию Дмитров в 9.17 вечера. Место же происшествия находится не более чем в 10 минутах ходьбы. Таким образом, можно полагать, что преступник, переодетый в форму батальона, прибыл из Москвы и совершил преступление по заранее разработанному плану, при несомненном участии названного выше Вакгенгута и весьма вероятном — Семенюка и Дауса».*

Скорее всего, версия Васильева была близкой к истине, что позднее подтвердили новые агентурные сведения. Да и следующее дело — попытка покушения на начальника Дмитровской тюрьмы М. И. Колтыпина (также, кстати, до конца не раскрытое), было связано с прибытием на поезде в Дмитров неустановленных следствием боевиков — эсеров. Но этот опытный сыщик был занят важными делами в Москве, и ведение данного дела было передано другому

сотруднику, агенту Охранного отделения в Дмитровском уезде ротмистру Мартынову 1-му.

Дальнейший ход расследования виден из рапортов ротмистра Матрынова.

Кроме троих подозреваемых, арестованных ещё на следующий день после совершения убийства, под стражу были взяты ещё двое военнослужащих: разжалованный из унтер — офицеров рядовой Бурдуков и рядовой Халдеев. *«Поводом для подозрений в отношении первого послужило его вообще порочное поведение, а второй заподозрен в написании анонимного угрожающего письма на имя командира батальона с требованием освободить «невиновных» людей, арестованных по делу об убийстве Золотарёва».* Бурдуков подозревался в совершении преступления из мести за служебные взыскания, наложенные на него Золотарёвым за его пьянство и пренебрежение к служебным обязанностям, в произнесении угроз по отношению к Золотарёву он неоднократно был замечен.

Основным подозреваемым военным следователем в убийстве Золотарёва был признан рядовой Дорофей Исидорович Семенюк.

Основные доказательства обвинения, представленные военным следователем сводились к следующему:

«1. В день совершения преступления Семенюк был уволен в отпуск до поздних часов, причём получил установленный увольнительный билет. Из отпуска Семенюк вернулся, по свидетельским показаниям, после того времени, как был убит Золотарёв. Причём, как выяснилось, увольнительного билета у Семенюка не оказалось. Спрошенный Семенюк признался, что увольнительный билет забрал у него и разорвал встретившийся ему вечером дежурный по батальону прапорщик Золотарёв, сделавший ему замечание, что он без галстука.

2. В тот день из всего батальона уволен был до поздних часов лишь один Семенюк. Ещё при жизни Золотарёв заявил, что он брал лишь один билет у того нижнего чина, который произвёл в него выстрел.

3. Совершив убийство, Семенюк поспешил в помещение обозной команды, где лёг и притворился спящим. Когда его, в числе других, разбудили чтобы нести

Золотарёва на носилках в больницу, Семенюк уклонился, боясь, чтобы Золотарёв не опознал его.

4. Наконец, когда Семенюка предъявляли Золотарёву, то Золотарёв, внимательно всматриваясь в него, в конце концов, хотя и после некоторого колебания, признал в нём преступника. Это установлено из предварительного следствия показанием одного из младших офицеров. Кроме того, это слышал находившийся в то время у постели раненого, сын командира батальона, кадет 1-го Московского кадетского корпуса Спиридонов, который, хотя и не был допрошен на следствии, но выразил желание свидетельствовать, если это понадобится».

По поводу пункта 4 нет никаких записей в первоначальном рапорте ротмистра Васильева, составленного им 17 октября, когда военные следователи ещё не прибыли в Дмитров. Рассматривать показания экзальтированного подростка, который под находясь в состоянии стресса от увиденного, мог это всё выдумать, а потом это начало распространяться в офицерской среде на уровне слухов. Такой опытный сыщик как Васильев не мог не внести в рапорт эту серьёзнейшую улику. Здесь налицо явное лжесвидетельство указанных младших офицеров, при пассивном невмешательстве сотрудников охранного отделения, бывших свидетелями опознания и не вмешивавшихся в процесс расследования военным следователем.

Ранее жандармский ротмистр отмечал: *«по словам Спиридонова, Золотарёв обладал колоссальной памятью на лица и фамилии, но не признал в убийце кого-либо из числа нижних чинов батальона».* Действие феноменальной памяти на лица не раз испытали на себе его подчинённые — он запоминал всех провинившихся и потом привлекал их к административным взысканиям.

Земляк и приятель Семенюка, уроженец Чудновской волости Житомирской губернии, 22-х летний печник обозной команды, рядовой Фридрих Мартинович Даус, боясь обвинения в соучастии в преступлении, свидетельствовал против Семенюка: *«За несколько дней до убийства он слышал разговор Семенюка с унтер-офицером Степановым, в котором первый будто бы сказал: «эту курву Золотарёва надо убить».* Но боясь унтер – офицера Степанова, Даус не решился довести об этом до сведения начальства, а сообщил о разговоре жене подпрапорщика

Назаренко и хозяйке дома, в котором она живёт, так как в это время он, Даус, перекладывал у Назаренко печь. Обстоятельство это обе женщины категорически отрицают, а иных доказательств причастности Дауса к делу убийства Золотарёва перепиской не добыто». Также Даус отрицал и приятельские отношения с Семенюком: «Я был в одной обозной команде с расстрелянным рядовым Семенюком в дурных отношениях и каждый день ругался».

Версия с похищением револьвера у фельдфебеля Сизова также оказалась под большим вопросом.

«Факт кражи револьвера с точностью не установлен, так как, по показанию рядового Бондаря, Сизов ещё 7-го, и никак не позже 9-го, разыскал свой револьвер, говоря, что он его кому-то отдал, а кому именно — не помнит. На следствии же Сизов подтвердил, что 11-го октября револьвер был на нём». Вероятность лжесвидетельства со стороны офицеров и унтер — офицеров здесь также очень велика. На следующий день после убийства ротмистр Васильев занёс в рапорт сообщение Сизова о пропаже револьвера и его не нахождении на момент покушения. А военным следователям Сизов заявил, что отдавал револьвер рядовому Бондарю для починки, но якобы, запомнил об этом. Таким образом, налицо факт исчезновения револьвера, из которого якобы стрелял Семенюк. А из чего же тогда он стрелял и где его взял? Какова в деле роль рядового Вакгенгута? И здесь опять лишь пассивное наблюдение со стороны служащих охраны».

Военно-окружным судом Московского округа Семенюк был признан виновным в убийстве Золотарёва и приговорён к смертной казни. «Дело о Семенюке» слушалось в городе Дмитрове при открытых дверях, вызвало большой интерес со стороны местных жителей, заседание протекало без инцидентов. Лишь после заседания на улице полковник Спиридонов подвергся наглому выходке кучки оставшихся неизвестными подростков, крикнувших по адресу Спиридонова «Палач». В тихом провинциальном Дмитрове, где практически каждый житель был знаком в лицо чинам полиции, не опознание этих юношей также вызывает вопрос. Возникает подозрение, что они прибыли в составе организованной группы из Москвы или, например, из посёлка Покровской мануфактуры.

На суде Семенюк не признался в инкриминируемом ему преступлении: *«Докладываю, что рядовой Семенюк и после приговора военно-окружного суда продолжал упорствовать в отрицании совершения убийства Золотарёва».*

По предварительному заключению о причастности Семенюка к организованной революционной организации ротмистр Мартынов докладывал: *«Что касается мотивов преступления, то не имеется положительно никаких оснований, что убийство носило политический характер. Единственное, что можно предположить, что убийство является следствием протеста против того сурового режима, который водворился в батальоне с введением в нём фельдфебелей – подпрапорщиков из строевых частей».*

По тем же агентурным сведениям против убитого подпрапорщика Золотарёва нижние чины были особенно возбуждены за его чрезмерную строгость, и за веру начальствующих лиц в его доклады, и он был убит Семенюком на почве личной мести.

Дорофей Исидорович
Семенюк (1885 – 1907)

Перед смертью Семенюк заявил, что полковнику Спиридонову за него отомстят, но нижние чины к этому заявлению относятся недоверчиво, говоря, что если полковнику Спиридонову и посылаются анонимные письма с угрозами, то только для демонстрации острастки. А лично против него нижние чины злобу не имеют, так как он, хотя и строг, но, в то же время и милостив»— таково заключение ротмистра Васильва в рапорте на имя генерал-лейтенанта Черкасова.

Полковник Спиридонов ещё до вынесения приговора Семенюку пытался проводить собственное расследование. Вскоре после казни Семенюка он телеграфировал в Москву Васильеву, прося о личной встрече, в которой он собирался сообщить важные обстоятельства дела.

Суд над Семенюком и его последующая казнь вызвали значительный резонанс в дмитровском обществе, что породило массу слухов. По словам Спиридонова: *«прислуга чиновника местного казначейства Ершова высказалась*

через свою барыню, что Семенюк неправильно осуждён, ибо совершение убийства Золотарёва, по её сведениям, пало по жребию на рядового Петра Плотникова. При этом указанная прислуга Анастасия (фамилия пока не установлена) созналась, что эти сведения сообщил ей фельдшер батальона Филипп Кульбида, часто посещавший её». Спиридонов сообщал, что предлагает фельдшера Кульбиду и просил охранное отделение организовать дознание по этому делу. «Спиридонов имеет ввиду арестовать фельдшера Филиппа Кульбиду, который в настоящее время находится в Москве в прикомандировании к учебной части батальона. Спиридонов просит организовать допрос Кульбиды, при этом не арестовывая Плотникова, дабы сразу не обнаружить источника, из которого получены сведения о нём».

В ходе розыскных действий агентам охранного отделения удалось установить, что источником этих слухов является не прислуга по имени Анастасия, как сообщал Спиридонов, а прислуга проживавшей с чиновником Ершовым Анастасии Никитичны Зинькович, 19-ти летняя крестьянка Мария Лаврентьевна Шалыгина. Шалыгина была подругой батальонного фельдшера, 23-х летнего Филиппа Кульбиды, часто бывавшего в гостях в доме Зинькович. Согласно показаниям агентов, Шалыгина заявляла, что на её вопрос о том, кто же убил Золотарёва, Кульбида отвечал: *«их 19 человек и жребий пал на Плотникова».*

Таким было неожиданное продолжение дела Семенюка — дело о подпольной организации 19-ти нижних чинов батальона. Рядовой Пётр Плотников был арестован и допрошен. По приметам он совершенно не подходил под описание убийцы, сообщённое Золотарёвым. Также у него имелось абсолютное алиби — в день убийства он находился в Москве в расположении батальонной учебной команды.

«По проверке оказалось, что указанный Пётр Плотников убийцей быть не мог, так как он в день убийства в Дмитрове не находился, будучи командирован в Москву « по пригонке мундирной одежды», а кроме того, по приметам совершенно не похож на указанного Золотарёвым нижнего чина, совершившего преступление».

За Плотникова поручились начальник батальонной учебной команды подпоручик Михаил Николаевич Изотов и фельдфебель этой команды Антон Семенович Софронов, которые утверждали, что: *«он был прислан 4 октября 1907 г. из батальона ко мне в команду в качестве портного, и я твёрдо помню, что 15 октября Плотников никуда из казармы не отлучался».*

Кстати, 25-ти летний Изотов и несколько человек из московской батальонной учебки непосредственно осуществили расстрел Семенюка на гарнизонном стрельбище близ Матусова поля.

Также были допрошены фельдшер Кульбида и его подруга Шалыгина. *«Шалыгина — крестьянская девица 19-ти лет, неграмотная, при неоднократном допросе и беседах с ней производившего переписку ротмистра Мартынова 1-го, утверждала лишь одно: «говорят, их было 19 человек, а убил плотник, а не рядовой Плотников, как утверждалось в сообщении охранного отделения. Шалыгина рассказала это барыне своей Зинькович, причём она никаких иных показаний дать не могла. Спрошенный, арестованный командиром батальона, фельдшер Кульбида показал, что он точно не помнит своего разговора с Шалыгиной, но припоминает, что последняя действительно расспросила его об лице, убившем Золотарёва. Кульбида рассказывал ей о существующем слухе, что Золотарёва убил какой – то плотник, а про рядового Плотникова она ничего не говорила. В настоящее время прислуга, боясь сама пострадать и подвести Кульбиду, от своих слов упорно отказывается».*

Высказывалась версия о соучастии Плотникова в убийстве в качестве человека, снабдившего убийцу военной формой батальона (он был портным и мог взять её во время командировки в учебную команду), но она продолжения не получила.

Ротмистр Васильев доложил начальству: *«Равным образом, по расследованию внутренней агентурой, также видно, что никакой революционной организации в батальоне не существует. Хотя, по точно проверенным означенными сведениям, в батальоне действительно имеется некоторое количество нижних чинов революционного направления, готовых примкнуть к организации. Но так как*

большинство нижних чинов настроено совершенно иначе и о всяком проявлении противоправительственного направления кем-либо из I-й категории, незамедлительно доносится своему начальству, то никто из нижних чинов друг другу не доверяет, почему никакая агитация не допустима. Посторонним же лицам крайне трудно сноситься с нижними чинами, и о каждом случае сношений с ними посторонних лиц незамедлительно товарищами доносится начальству. В виду сего никакой организации в батальоне быть не может».

На этом записи в данных делах завершаются, но незадолго до завершения расследования Васильев сообщает, что для выявления возможности такой организации: *«Полковник Спиридонов предлагает предоставить в его распоряжение хотя бы одного из наблюдательных агентов, который, проживая под видом частного человека в Дмитрове, мог бы содействовать разработке, имея конспиративно обставленные отношения непосредственно со Спиридоновым».*

Результатом деятельности такой агентуры стало обнаружение в 1908-1909 гг. революционно настроенной группы солдат, известной как «группа И. Панасюка», но это уже материалы другого расследования.

Из дела Семенюка можно сделать несколько выводов:

Следствие, проводимое военно-окружным судом было проведено крайне непрофессионально и с грубейшими нарушениями. Если даже Семенюк и был убийцей, вина его не доказана, а доказательства вины сфабрикованы. Быстрый суд и расправа над Семенюком являлись лишь средством устрашения революционно настроенных солдат батальона.

Охранное отделение, проводившее собственное расследование о возможности существования революционной организации, обладая ценными сведениями, ставящими под сомнение виновность Семенюка, никак не пыталось их предоставить их военной прокуратуре.

Наконец, сами социал-демократы: Петухов, Холмогоров и другие, спасая себя, никак не пытались помешать казни своего невинного товарища. Если, действительно, всё было так, как описывал Минин: Семенюк возвращался поздно

вечером с конспиративной сходки и, будучи обвинённым в убийстве, не выдал товарищей.

Список использованных дел ГАРФ:

ф. 58 (московское охранное отделение), оп.5 д.33.

ф. 58. оп. 3. д. 730.

ф. 58. оп. 13. д. 95.

ф. 102. оп. 204. д. 8218.